Не давайте повода для хулы имени Господа

То, что произошло в г. Мценске в 1966 году (статья из газеты "Известия" приведена ниже), — это не просто трагедия. Это чудовищное, вопиющее злодеяние, которое было использовано безбожной властью и обществом для клеветы на всех верных христиан, стоящих в истине.

Мария Рыкова, названная в советской прессе "баптисткой", на самом деле была жертвой духовного блуда, смешения лжеучений и фанатизма, не имеющего ничего общего с чистым евангельским вероучением. Её действия — это не "ревность по Боге", а безумие, порожденное тьмой сектантства и бунтом против всякого порядка.

Но враги истинной веры не стали разбираться. Они с радостью ухватились за этот случай, чтобы облить грязью всех отделённых христиан, верных Господу в годы гонений. Советская пропаганда тут же подняла вой о "кровавых ритуалах баптистов", хотя любой, знакомый с Писанием, знает: "Не убий" — это заповедь Божья, а не советского закона. Нас, верных, десятилетиями травили, сажали, лишали детей, но мы никогда не поднимали руку на невинных — мы шли на крест, но не брали меча.

Особенно горько то, что этот случай дал повод оклеветать тех, кто в те годы действительно страдал за Христа — на братьев из Совета церквей ЕХБ, отвергавших компромисс с безбожной властью. Власть использовала преступление Рыковой, чтобы оправдать новые гонения, чтобы сказать: "Видите, во что превращаются эти 'отщепенцы'?"

Но мы знаем правду: нельзя судить учение Христа по делам безумцев. Сатана всегда стремится смешать истину с ложью, чтобы осквернить святое. И сегодня, читая эту статью, мы должны ясно понимать:

1. Этот случай — исключение, а не правило. Никакие истинные баптисты-сепаратисты не учат

убийству детей.

2. Советская власть лгала, чтобы оправдать гонения — как когда-то римляне обвиняли христиан в умерщвлении младенцев.

3. Виновны не верующие, а те, кто сеял смуту — будь то лжеучителя, втянувшие Рыкову в раскол, или безбожники, доведшие её до отчаяния.

Да, среди нас были и есть слабые, заблудшие, даже безумные — но Церковь Христова чиста, и её не запятнают дела тех, кто отверг и любовь, и разум.

"Итак, по плодам их узнаете их" (Матф. 7:20). Плод истинного христианства — жизнь, а не смерть; свет, а не тьма.

Во имя Господа, мы, христиане 20-х годов второго тысячелетия (2025 год) отвергаем эту клевету.

КОМАНДИРОВКА ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРОРОКИ И ЖЕРТВЫ

На самой окраине Мценска, там, где кончается тихая улочка Садовая, стоит белесый, обшарпанный дом.

Недобро глядит он давно немытыми окнами на сверкающую и шумную жизнь автострады Москва — Симферополь.

Почти каждый день сейчас у этого дома можно видеть толпу разъяренных людей. Не будь здесь милиции, разгневанные люди снесли бы, наверно, его с лица земли. Так потрясены умы и сердца людские трагедией, которая недавно разыгралась в этом доме. Исступленная фанатичка зарезала здесь ребенка своих соседей. Средь бела дня. На глазах у его отца и матери.

...Валерику Митичкину в июле исполнилось бы три года. Улица хорошо знала этого белоголового мальчонку. Знала давно и его убийцу — сектантку Марию Рыкову. Знала и враждовала с нею много лет. Взрыв боли, гнева и ярости, вызванный этим убийством, потряс улицу Садовую, а затем, расходясь от нее кругами, и весь Мценск.

По требованию читателей редакция командировала меня в Мценск. Я говорил с десятками людей, читал документы, повидал в орловской тюрьме убийцу. Случай, конечно, ужасный и совершенно исключительный. И именно поэтому уже сейчас, не дожидаясь, когда следствие будет закончено и прояснятся все темные и зловещие стороны этого дела, мы обязаны рассказать о нем.

Волна народного негодования сотрясает сегодня Мценск. Всюду только и говорят, что о трагедии на улице Садовой. Сообщение обрастает всевозможными домыслами и фантастическими догадками. Я слышал в Туле и в Орле уже совсем чудовищные варианты этой трагической истории. Поползли даже слухи о «сектантском терроре»...

К сожалению, никто, кроме милиции, в те дни не вел в Мценске разъяснительной работы. А ей

приходится и бороться со слухами, и охранять мценских сектантов от стихийного гнева.

Едва я появился у злополучного дома, ко мне подошли две женщины, потом еще две, потом несколько мужчин. А вскоре улицу запрудила возмущенная толпа. Люди кричали, перебивая друг друга:

— Мы три года назад ещё писали об осином гнезде Рыковых!

— Ведь от Марии житья не было.

— Наших детей запугивала.

— В секту всех вербовала.

— Давно пора найти управу на этих захребетников!

— Советский хлеб жрут, а советские законы ногами топчут!

Вот уж никогда не думал, что придется мне выступать в роли защитника баптистов! А пришлось... Отбиваясь от, града упреков, гневных вопросов, запальчивых призывов к необдуманным действиям, я пожалел, что не секретарь Мценского горкома партии тов. Пархоменко на моем месте... Он бы, вероятно, смог ответить более обстоятельно на самое главное и, увы, справедливое обвинение: почему городские организации не прислушались в свое время к голосу общественности?

Окружившие меня разгневанные люди не были людьми злыми. Я отвечал им, возражал, соглашался, спорил, — и бурно начавшийся разговор кончился в мирных тонах.

Почему же гнев людской обрушился не только на убийцу и близких ее, а на всех сектантов? Почему возмущенные люди так упорно связывают веру Марии Рыковой с ее преступлением?

Увидел я убийцу уже в тюрьме. Крепкая, широкоплечая женщина с мощными руками, с грубыми чертами лица, на котором застыло выражение тупого упрямства. Отвечает охотно, прекрасно помнит все детали, имена, события. Об убийстве говорит спокойно. К религии Мария Рыкова пришла так. Росла она у бабушки, и та старательно прививала ей веру в Бога («не злому же учу — доброму»). Потом нашлась тетя Катя, которая убедила девушку, что в церкви вера «не истинная», и увела ее к иеговистам. Но не понравились ей чем-то иеговисты, и был период, когда она не ходила ни в одну секту. К сожалению, не оказалось в ту пору рядом с нею опытного и умного человека. Зато подвернулась тетя Таня, которая привлекла ее в общину евангельских христиан баптистов. Но семена, посеянные иеговистами, по-видимому, дали всходы. Как только появились раскольники в баптистской общине, Мария пошла за ними.

Люди, на глазах которых произошло зверское убийство ребенка, не разбирались во всех этих сектах и различиях между ними. Они видели, что трагедия произошла на религиозной почве, знали, что убийство сопровождалось действиями, напоминающими какой-то ритуал. Так, Рыкова переодела мальчика перед смертью в специально приготовленную чистую распашонку. Знали, что убийца-баптистка. И обвинили всех сектантов без разбора.

Мне противно защищать баптистов. Отравление душ человеческих религиозным дурманом всегда

чревато опасными последствиями. В каких бы невинных формах оно ни велось! Часто баптисты только пашут в душах своих братьев во Христе, а сеют в подготовленную ими почву другие — уже изуверские секты.

И тем не менее надо быть объективным. Ритуальное убийство чуждо убеждениям и вере баптистов. Иначе эта секта была бы запрещена законом. Только неосведомленностью в этом вопросе и очень плохой постановкой разъяснительной работы в Мценске можно объяснить панический слух, прокатывающийся там из конца в конец города: «Баптисты перережут наших детей» и как вывод: «Разогнать баптистов!».

Между тем ходят по нашей земле люди, которые заслужили того, чтобы на них обрушилась вся ярость этого гнева. Их не так много — всего несколько человек. Они прячутся от закона и от людей — и тайно творят свое черное дело. От них тянутся нити и сюда, на окраину Мценска.

...С некоторых пор в приемных областных и республиканских учреждений, а также в столице стали появляться этакие ходоки. Они именуют себя баптистами, но тут же подчеркивают, что действующая баптистская церковь «не соответствует Христову учению», и у них с нею раскол.

Ходоки эти ведут себя вызывающе, порою явно провоцируя окружающих на скандал. Петиции, которые они вручают должностным лицам, содержат незаконные требования (не просьбы, а именно требования!), сформулированные в двух пунктах.

Первый: поручить их так называемому «оргкомитету» созвать всесоюзный съезд баптистов, который сместил бы нынешнее руководство общиной и поставил бы на его место руководителей оргкомитета. Второй: «прекратить вмешательство школы и государства, в воспитание детей верующих».

С такой петицией обращались они в Совет по делам религий и в другие официальные органы. Всюду им терпеливо разъясняли, что созыв съезда верующих —это внутреннее дело самих религиозных общин, ибо в нашей стране церковь отделена от государства. Если бы государственные органы стали предлагать нынешнему руководству союза евангельских христиан баптистов созвать съезд, это было бы нарушением закона. Тем более противозаконным было бы указание — каких руководителей надо сместить и какими их заменить.

Разъясняли им и то, что у нас существует закон о всеобуче, и каждый ребенок, вне зависимости от убеждений родителей, должен, получить светское образование.

Когда наиболее грамотных из ходоков спрашивают, почему они недовольны руководством баптистской общины, они отвечают примерно так: «Мы признаем только Божьи законы, а нынешнее руководство баптистской церкви признает и земные».

Вот в чем, оказывается, суть вопроса. Люди, стоящие за спиной ходоков, не хотят признавать законов Советского государства, не желают считаться с тем, что сектанты не только верующие люди, но и советские граждане. Наши законы защищают права верующих, свободу их вероисповедания. Однако законы обязывают верующих, так же, как и атеистов, выполнять свой гражданский долг, определяемый Конституцией СССР, выполнять советские законы. Руководители же «оргкомитета» выступают по существу против закона. Впрочем, некоторые законы они признают: исправно получают пенсии, охотно пользуются оплачиваемыми отпусками

и прочими благами нашего общества, против установлений которого выступают.

Своих ходоков они наставляют домогаться выполнения незаконных требований любыми средствами, вплоть до скандала. Внушают им, что это и есть «борьба за истинную веру». Впрочем, сами ходоки в тонкостях петиции, как правило, разбираются слабо. Их просто готовят «постоять за веру», «претерпеть» за нее. С тем они и едут в областные центры и в столицу.

С двумя из таких ходоков мне недавно довелось беседовать. Что же они отстаивали так упорно?

Анна Федоровна Истратова работает в Туле на заводе уборщицей, ей 52 года, она одинока. Бросила работу и, повинуясь указке своих сектантских главарей, приехала с петицией. О том, что написано в петиции, Истратова имеет самое смутное представление: «Я хлопочу, чтобы нас не притесняли другие, зарегистрированные баптисты, потому что истины в них нет».

Бобылев Аким Иванович (62 года, получает приличную пенсию) прибыл из Брянской области в полной уверенности, что хлопочет о том, чтоб разрешили их общину зарегистрировать у уполномоченного Совета по делам религии. И был очень удивлен, когда выяснилось, что хлопочет он как раз об обратном — об отмене законных форм существования секты.

За спиной вот таких, в общем-то отсталых и бессовестно обманутых, людей стоит кучка авантюристов из так называемого «оргкомитета», рвущихся к власти над баптистской общиной и к ее казне. Возглавляют эту кучку некие Геннадий Крючков и Георгий Винс. Это они снаряжают ходоков и дирижируют ими из укрытия, побуждая выступать чуть ли не «от имени народа». Между тем они не имеют права говорить даже от имени баптистской общины, потому что обмануть и увлечь за собой им удалось меньше одной двадцатой части всех баптистов.

Потерпев поражение внутри общины, «оргкомитетчики» развили бурную подпольную деятельность. Обманом вербуя сторонников, они провоцируют их на все более дерзкие и вызывающие действия. Им сейчас нужны «жертвы гонения» и «мученики за веру», чтобы подогреть у верующих остывающий интерес к ним.

...Вот в каких баптистах ходила последние два-три года Мария Рыкова. Вот кто внушил ей не подчиняться законам земным. Вот кто подогревал ее фанатизм и готовность «отстаивать веру Христову» любыми средствами.

С периодом особой активности «оргкомитетчиков» совпала резкая перемена в поведении Рыковой. До этого она истово молилась на тайных собраниях своей секты, открыто пропагандировала свои взгляды, вербовала в секту всех, кого могла. А матери Валерика — Нине Митичкиной — даже обещала подарить корову.

Но все это не привлекало особого внимания общественности. Правда, соседи по улице требовали, чтобы местные организации присмотрелись, что творится в этой семье, заодно разобрались и в том, на какие средства живет она. Семья большая, зарплата маленькая, а купили мотоцикл, потом мотороллер, подыскивают машину. Но на эти сигналы тоже никто не обратил внимания.

И вот наступил март. Усиливается в секте пропаганда сопротивления советским законам, Мария получает подпольную литературу, призывающую бороться с «законами земными» и руко-

водствоваться «законами Божьими». При обыске после убийства у неё найдены и несколько номеров нелегального «братского листка» (последний — апрельский) и пресловутое «Обращение ко всем верующим матерям евангельско-баптистского исповедания зарегистрированных и незарегистрированных общин в СССР» с воззванием: «Объединить наши усилия в молитвах к Богу о посвящении жизни наших детей ему на служение с колыбели». И с призывом к «спасению наших детей от влияния мира».

Мы не знаем, как еще трактовали эти документы негласный духовный отец Марии Рыковой — некий Замуруев и приезжие «благовестники». Но можно догадываться, что они не стеснялись в призывах к действию.

В апреле старшего сына Ваню приняли в пионеры. Мария сорвала с него галстук. Запретила первокласснице Любе носить октябрятскую звездочку. Потом пошла в школу и заявила, что ее дети верующие и их нельзя принимать в пионеры и октябрята.

Мать Марии, Анастасия Васильевна, обеспокоенная судьбой внуков, принесла Ивану новый галстук и попробовала уговорить свою дочь не калечить души детей. Та не уступила, отреклась от матери. Тогда сама Анастасия Васильевна стала хлопотать, чтобы ее дочь лишили прав материнства и отобрали у нее детей! И к этому сигналу не прислушались...

22 мая, в воскресенье, муж отвез на мотоцикле Марию на тайное молитвенное собрание. Вернулась она возбужденная. О чем шла речь на собрании, нам неизвестно. Сохранился только один документ, датированный этим числом: черновик заявления Рыковой о том, что ее сына в школе якобы преследуют за веру. В этот же день Мария узнала от своего мужа, что он возил соседа на мотоцикле выбирать корову — и что соседи давно уже получили 300 рублей ссуды от государства. Значит, решили не брать ее подарка...

23 мая, рано утром Мария вызвала Нину из дому и сказала, что если та немедленно не сдаст ссуду обратно, то дорого заплатит за это. И еще предупредила, что тут — великая тайна. Думали-думали Нина с мужем, что сие значит и надумали: может, реформа ожидается? Взял муж деньги и пошел на работу. Через час ушла из дома и жена. По дороге ее остановила у своей калитки Рыкова:

— Чего Валерку с собой тащишь?! Оставь его у нас.

И мать оставила, как это делала раньше, много раз. На заводе она узнала, что Мария прибегала к бухгалтеру — спрашивала, сданы ли деньги. Мать поспешила обратно. Мария ей двери не открыла и сказала через окно, что сына не отдаст, пока не получит справку о том, что деньги сданы. Нина побежала к мужу, тот пошел требовать сына. Рыкова показала ему в окно нож и заявила, что, если не принесут справки, Валерке жить до двух часов дня только. Дом был тщательно заперт изнутри, своих детей Мария куда-то отослала.

Испуганные родители Валерки побежали в милицию. Через несколько минут милицейская машина уже прибыла на место, захватив по дороге и мужа Рыковой. Его переговоры с женой ни к чему не привели. Нина заглянула в окно и забилась в истерике. Плачущего мальчика, переодетого в какую-то розовую распашонку, зажала в коленях Мария. В руке у нее был нож.

Все бросились ломать окно и двери. Ворвались в дом... Но было уже поздно.

Трудно представить себе, чтобы на такое страшное дело решился человек с нормальной психикой. Но если даже у Рыковой и произошел психический срыв, то разве не ясно, результатом чего он явился?

Что бы ни определила экспертиза, что бы ни решил суд — гибель Валерия Митичкина на вашей совести, Геннадий Крючков и Георгий Винс! Это вы, таясь в норах, разжигали темные страсти в душах своих приверженцев, вы посылали одурманенных вами ходоков «пострадать за веру», сами предпочитая прятаться за их спиной.

Пророки зла, вы сеете только зло, хотя и разглагольствуете о добре и о любви к ближнему. В каком зловещем свете предстал вдруг ваш основной тезис, который вы внушаете своей пастве: «Не подчиняйся законам земным, подчиняйся законам божеским!». Кто возьмется предугадать, в какие чудовищные формы может отлиться этот тезис в воспаленном мозгу какого-нибудь полуграмотного фанатика, листающего сейчас «Священное Писание», чтобы почерпнуть оттуда указание божье — как ему лучше «поревновать» за веру!

...Перед моим отъездом из Мценска разыскал меня в гостинице Александр Петрович Бузанов — парторг цеха с завода «Вторцветмет». Зашел он узнать — не соглашусь ли я выступить в цехе, разъяснить, что к чему.

— Только и слышу от людей: «Почему не закроете баптистов? Почему не вышлете их?» А я не в курсе...

Выступить я не смог, но «в курс» заботливого парторга ввел, насколько это было в моих силах. После этой встречи всю обратную дорогу я размышлял над извечным в таких случаях газетным вопросом: «Где ж вы были, люди?» Мценская трагедия осветила странную и непростительную инертность местных организаций и общественности. Ни выводов не сделано, ни уроков не извлечено. Даже агитаторов вовремя не созвали, не рассказали им обо всем, что произошло, не послали их туда, где сейчас кипят страсти. И депутаты городского Совета не пошли в свои округа с нужным в этот момент словом к избирателям.

Удивительное это спокойствие. И опасное.

Н. ШТАНЬКО. МЦЕНСК — ОРЕЛ.

Газета «Известия» №131 (6 стр.), 1966 год.

Комментарии
